

Русская музыка в Нью-Йорке

ЭДВАРД РОТСТАЙН

НЬЮ-ЙОРК

РАНЫШЕ бывало так, что любые посланцы культуры, приехавшие из Советского Союза на Запад, могли безоговорочно рассчитывать на горячий прием.

Каковы бы ни были пороки правительства, советское исполнительское искусство (как, впрочем, шахматы и математика) воспринималось как нечто сверхъестественное, особенно в контрасте с западной демократической культурой, где трудно было разобрататься в мешанине всех и вся.

Несмотря на коммунистическую риторику, у многих музыкантов, приезжающих из Советского Союза, казалось, была некая аура, сохранившаяся еще со времен русских царей, несущая традиции православной церкви и великих русских писателей.

Сейчас же, как известно, с распадом центральной власти культурная сцена представляет собой нечто невероятное: каждая организация борется за выживание, и одна за другой различные группы едут за океан в надежде получить признание и западную валюту.

Традиции еще живы

Но совсем недавно, на двух музыкальных вечерах в *Avery Fisher Hall*, где под управлением Валерия Гергиева играл Кировский оркестр Санкт-Петербурга, вновь пришли на память те славные дни.

Еще раньше, в июле, мы слышали этот оркестр во время гастролей Кировской оперы в концертном зале *Metropolitan* — тоже под управлением г-на Гергиева. Тогда оркестр произвел сильное впечатление.

Немного кокетничая той западной манерой, в какой была поставлена опера, Санкт-Петербургская группа тем не менее продемонстрировала несколько примеров истинного вокального искусства и впечатляющей художественной интерпретации.

Недавние концерты показали, что г-н Гергиев с Кировским ансамблем без сомнения являются главными представителями некогда процветавшей традиции русского исполнительского искусства.

И несмотря на то, что благодаря фирме *Philips* слушатели уже знакомы с записями этого оркестра, эффект второго концерта в его исполнении был ошеломляющим.

Две стороны медали

Стиль исполнения был типично русским, что особенно чувствовалось в сочном широком звучании струнных, а теплое и вместе с тем мощное звучание духовых не вызывало чувства раздражения.

Сильные стороны Валерия Гергиева очевидны: он уделяет большое внимание группе духовых и обладает почти инстинктивным чувством мелодии.

Подобно многим русским музыкантам прошлого, он большее внимание

Кировский оркестр приехал в Америку не только за валютой, но и за признанием.

уделяет насыщенной палитре ансамбля, нежели контрапункту.

В тех произведениях, которые музыканты отлично знают, Валерий Гергиев дает им свободу исполнения, указывая лишь, когда это необходимо, большее напряжение. Таким образом, контроль дирижера как бы скрыт, позволяя ярче проявить драматическую форму сочинения.

Слабые стороны также были очевидны, особенно на первом концерте, в Третьей симфонии Прокофьева. Г-н Гергиев стремился приглушить внутреннее голоса, но они столь же важны, как и внешние.

В этом сочинении, возможно, нет необходимости достигать глубины и завершенности, здесь должно быть все отчетливо слышно.

Было и несколько больше, чем нужно, моментов, когда лирическая раскованность дирижера превращалась в вялость, снижая почти неистовый характер этой симфонии, написанной Сергеем Прокофьевым на материале своей же оперы «Огненный Ангел» (которую, кстати, Кировский театр исполнил в *Metropolitan* в июле).

То же можно сказать и о некоторых местах в отрывках из «Ромео и Джульетты» Прокофьева. Даже энергичная игра Владимира Фельцмана в Первом концерте для фортепиано с оркестром Петра Чайковского показалась маловыразительной: казалось, г-н Фельцман пытался заполнить своей игрой пространство, что ему не вполне удавалось.

Все дело в нюансах

Однако второй вечер был абсолютной противоположностью первому. Шестая симфония Чайковского, особенно ее первая и третья части, были исполнены с изумительной проникновенностью. Г-н Гергиев дирижировал без партитуры, он полностью впитал в себя эмоциональную структуру этой симфонии. Несколько тончайших моментов исполнения свидетельствовали об особой любви дирижера к этой музыке.

В первой части смена ритмов была столь тонка, что у слушателей создавалось ощущение многоритмичности, словно звуки пытаются опередить друг друга.

Дирижер не форсировал ни динамических нарастаний, ни эмоциональных спадов, отмеченных Чайковским в партитуре. Они естественно влились в общее музыкальное звучание.

Так же ненавязчиво и отрывкам из «Спящей красавицы» г-н Гергиев сумел придать настроение мягкого безграничного лиризма.